

Я-ИДЕАЛ В СТРУКТУРЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

МАЖИТОВ А. А.

Белорусский национальный технический университет

Целью работы является исследование Я-идеала как субстанции, в которой содержатся механизмы духовной саморегуляции конкретной индивидуальности, а значит, и общественные духовные ценности (в тех форме и степени, в каких они усвоены ею).

Если отличать идеал от мечты и фантазий, свойственных человеку, то он обладает практической силой регулятивного принципа (по Канту). Но далеко не всегда за широкой практикой применения его понятия кроется эта самая регулятивная сила. Люди, конечно, вольны называть идеалами то, что им хочется, и только они определяют истину относительно своего идеала. Если же то, что они называют идеалом, действительно для них есть регулятивный принцип, то идеал относится к фундаментальной, экзистенциальной характеристике человека. Потому что, во-первых, если он регулятивен, то выражает самое желаемое и сокровенное – совершенное (в сугубо индивидуальном понимании, конечно). Свидетельством его фундаментальности служит также, во-вторых, тот факт, что любой человек знает, что переживает другой, когда тот называет что-то идеалом, даже если он сам это что-то идеалом не считает.

К идеалу можно относиться двояко – стремиться завладеть или отождествить себя с ним. Стремление владеть идеалом может иметь две причины. Первая из них – потребность, которую надо удовлетворить, и тогда идеальность предмета – показатель его качества. Идеальные – мысленные и совершенные – образы необходимых предметов создаются именно для их опознания. Но здесь следует подчеркнуть, что идеал как образ цели или вообще чего-либо, не связанного с образом человека, не имеет своей специфической идеаловой мотивации. К воплощенному идеалу такого рода стремятся не потому, что он идеал, а из-за его способности удовлетворить соответствующую потребность наиболее полно. Вторая причина, каковая мо-

жет сочетаться с первой, заключается в склонности иметь все наилучшее, и тогда владение идеальным предметом – средство самоутверждения – утверждения «Я» такого, каким хочет быть жаждущий завладеть идеалом.

Специфическая же идеаловая регулятивность имеет место, только если сам идеал является целью, но не средством, и, следовательно, стремление к нему вызвано желанием быть на него похожим. Только соединение совершенства с нравственностью, с должным делает совершенство действенным. Такой идеал воплощает наилучшие качества с точки зрения стремящегося к нему. Имея цель в себе самом, он превращается в регулятивный принцип, аналогичный категорическому императиву Канта. Этот идеал в психологии называется Я-идеалом.

Я-идеал приходит согласно психоаналитической теории на смену эдиповому комплексу, и его появление означает, что чувство вины заменяется идентификацией с одним из родителей, точнее – частично с обоими, затем – возможно с учителями или с другими авторитетами. Этот идеал содержит в себе все то, что хотел бы видеть в себе индивидуум.

Хотя и можно, вероятно, описать внутреннюю жизнь психологическими терминами, все же она, в частности моральные поиски, самоопределение, подчиняется законам нравственности. Нравственность – в сущности социальный феномен, а самосознание имеет своей основой психическое, содержит его в себе в снятом виде, но к нему не сводится. Как, например, жизнь животного, хотя и основана на химических процессах в организме, все же подчинена своим законам. Можно провести аналогию с любовью, которую естествоиспытатели описывают при помощи биохимических терминов, но любовь для переживающего это чувство не является проблемой химических реакций в его теле. Весь мир дан человеку в его

представлениях в форме психического, но мышление служит удовлетворению не только психических потребностей и строит свою работу в соответствии с законами внешнего мира. У животных тоже есть психика, но нет механизмов самоконтроля – того, что является работой самосознания. Появление моральных инстанций внутри психики и создало ситуацию возможности появления внутренних конфликтов – психозов и неврозов. Поэтому можно утверждать, что психоаналитический подход к Я-идеалу является односторонним и не отражает, в частности, факта ощущения человеком своей свободы в самосознании и конституирования себя в соответствии с личным идеалом, для психологии вообще нет морально-нравственных проблем. Психоанализ не учитывает жизненную значимость для человека его соответствия собственному Я-идеалу, важность самоуважения и ощущения собственного достоинства. Этот идеал – не только и не столько карающая (как ее понимает психоанализ) инстанция.

В этом смысле можно сказать, что Гегель реализует философский подход, видя причину возникновения Я-идеала в осознании ребенком, что он есть еще не тот, кем он должен быть, и в желании им стать таким же, как и взрослый (один из родителей или другой человек). Это желание превращается в установку – целостную модификацию субъекта, готовность к целесообразной избирательной активности (концепция Д. Н. Узнадзе). Я-идеал становится фундаментом основанием формирования человека как личности – социального измерения индивида, и как индивидуальности – полного описания индивида с его врожденными и приобретенными качествами. Он является основой экзистенции и экзистирования – выработки собственного отношения к сущему, на основе усвоенных универсалий, пропущенных через личное переживание прошлого опыта.

Конфликт в самом человеке является другой причиной формирования в человеке требований к самому себе и побуждает к рефлексии над своими составляющими качествами, в которых зафиксировались усвоенные в переработанном виде стереотипы поведения. Естественное стремление избежать столкновений между противоречивыми склонностями приводит к

отбору из возникающих желаний, привычек, из усвоенного, усваиваемого и того, что еще будет усваиваться, некоего набора свойств, друг другу не противоречащих. Стремление избежать противоречий в самом себе может быть и подсознательным, как может быть подсознательным стремление к душевному равновесию. Вследствие действия этих причин формирование идеала не может быть полностью контролируемо самосознанием, хотя вполне возможно сознательное культивирование в себе тех или иных свойств. Но при этом, хотя и никогда не завершен окончательно, образ себя-идеального является целостным благодаря выявленному гештальтпсихологией свойству психики, – склонности к предельно ясному выражению любого воспринимаемого образа [1]. Подсознание дописывает идеал до ясного и цельного образа. Как известно, факт большей чистоты морального принципа отмечал еще Плотин: человек, совершающий мужественный поступок, не осознает в эту минуту, что он поступает храбро. Затем каждое отобранное свойство уходит из сферы сознательного и само становится одним из критериев дальнейшего отбора.

Я-идеал можно определить как духовный регулятивный принцип, потому что он требует противостояния внешнему миру и самоорганизации по своему внутреннему правилу. Его можно охарактеризовать как совершенный и гармоничный (в субъективной оценке, конечно) набор достоинств. Я-идеал является первой духовной ценностью в жизни человека. Процесс формирования его длителен по времени и включает известные этапы первичной и вторичной социализации. Отбор его составляющих происходит на этапе формирования индивидуальности и составляет момент самовоспитания в процессе воспитания.

Содержание Я-идеала заполняется и оформляется человеком по мере расширения и углубления его представлений о самом себе. Как отмечает Р. Бернс, развитие мышления от конкретного к абстрактному меняет самоописания [2]. У пятилетних доминирует описание тела и занимает его до шестнадцати лет. Далее идет описание эмоциональных состояний, личностных характеристик, психических процессов. У подростка оно поверхностное и синкретичное, в ранней юности в самоописаниях появля-

ются личные качества и убеждения. К 15–16 годам Я-идеал вбирает в себя черты значимых близких людей.

Соответственно все содержание идеала можно разделить на следующие типы достоинств:

1. Когда ребенок начинает осознавать, что он есть не то, чем может быть, и подражает взрослому – его поведению, манерам и привычкам, тогда в идеале появляются **желаемые достоинства**, многие из которых могут быть реально сформированы.

2. С детства человек сталкивается с тем, что не все его качества и склонности одобряются близкими взрослыми и вообще авторитетными окружающими, так происходит включение в идеал **допустимых достоинств**.

3. Человек всегда обнаруживал в себе несовместимые желания, привычки и склонности и сталкивался с необходимостью выбора, который осуществлял и осуществляет в соответствии с убеждениями и жизненными целями; отобранными оказываются **необходимые достоинства**.

4. Часто человек приписывает себе несуществующие качества и способности – это **мнимые достоинства**.

Если мнимыми достоинствами становятся какие-то черты характера или способности, то возникает ощущение внутренней недостаточности [3], при котором реакции детерминированы не ценностью, а стихийно сложившейся субъективностью, и требования разума не подкреплены работой чувств. Внутренняя недостаточность подразумевает волю к ценностям и недостаток этой воли. Источником внутренней недостаточности являются, во-первых, акт умственного принятия завышенной шкалы ценностей, во-вторых, непризнание в себе фактов, противоречащих идеалу, в-третьих, повышенная потребность в любви и признании, которая не признается или признается неохотно. При этом есть особое требование к чувствам любящего – они должны быть направлены на идеальное, а не реальное «Я». Результатом всего этого являются нетерпимость к себе и другим, нежелание проявить снисходительность к своей и чужой слабости.

Но сам факт разрыва идеального и эмпирического «Я» свидетельствует о взрослении, и у

нормальных детей этот разрыв больше, чем у детей с отклонениями в развитии [2].

Первая духовная ценность, известная человечеству, представляет собой идеал человека – калокагатию [4]. Духовные ценности открываются и для общества и для индивидуальности в результате рефлексии. В первом случае мы видим рефлексию над массовыми стереотипами поведения в обществе, во втором – рефлексию над усвоенными и усваиваемыми стереотипами, представленными в индивидуальности как человеческие качества. Но по сути это рефлексия над одним и тем же, ведь обычаи, нравы, традиции, составляющие общественное сознание, онтологически существуют через массу индивидуальных сознаний, «...ибо эту всеобщую субстанцию и составляют все [индивиды], которые находятся в данном состоянии мира» [5]. Всеобщее, пользуясь терминологией Гегеля, должно обособляться, и в той же определенности, которую оно себе сообщило, воздействовать на индивида, поскольку всеобщее существует в отдельном и через отдельное. Рефлексия над усвоенными стереотипами начинается в период вторичной социализации, когда у подростка появляется интерес к противоположному полу и обществу и у него возникает потребность признания его индивидуальности другими людьми, для чего он обосновывает свои качества через апелляцию к всеобщему – нормам, ценностям и т. п., осуществляя презентацию этического самопонимания. Самоопределение относительно признанных в обществе духовных абсолютов – условие адекватного понимания представленного для признания и соответствующей реакции. Так индивидуальность вырастает до осмысления духовных ценностей, и условием этого является обнаружение в своем идеале соответствующих той или иной ценности качеств.

И так же, как общество разделяет первую синкретическую духовную ценность – калокагатию – на ее составляющие: добро и прекрасное, так индивидуальность открывает для себя эти абсолюты через выделение в своей первой духовной ценности ее составляющих.

В Я-идеале совсем не обязательно содержатся основные нравственные требования общества. Свой идеал имеют также и закоренелые преступники (например, кодекс чести вора в

законе). Я-идеал – основа внутренней нравственности. Если содержащееся в индивидуальности духовно-ценностное содержание совпадает с принятыми в обществе духовными ценностями, то они и будут для нее доступны и значимы в их объективированной форме абсолютов, как они представлены в фактах духовной культуры – в искусстве прежде всего. В противном случае действительность влияния на человека идеологических материалов, апеллирующих к духовным абсолютам, весьма сомнительна. Соблюдение норм, не являющихся одновременно и требованиями к себе самому, аналогично соблюдению правил благоразумия (Кант) или правил техники безопасности, которые проще соблюдать, чем нарушать; но они могут восприниматься и как избыточные в случае возможной безнаказанности их нарушений.

Цензором, контролирующим соответствие поступков той части Я-идеала, которая содержит нравственные требования к самому себе, является совесть. Ее нельзя определять как стоящую над индивидуумом и подавляющую его. Подобное определение, данное З. Фрейдом, свидетельствует о понимании им природы человека как источника зла, а культуры и нравственности – как обуздывающей и карающей силы. Однако добро в человеке также фундаментально, о чем свидетельствуют механизмы работы той же совести или случаи самопожертвования, отрицающие сильнейший инстинкт самосохранения.

Я-идеал стоит между **эмпирической субъективностью** – реализующим себя в действительности индивидуумом и **имманентной субъективностью** – субстанцией, в дискурсе неисчерпаемой. От внешнего мира идеал защищается тем, что стремится опосредовать всякую реакцию на внешнее воздействие, чтобы она соответствовала требованиям к себе. От внутреннего мира он защищается тем, что опосредует импульсы и желания, всплывающие из неподвластных контролю глубин психики, являясь критерием отбора допустимых желаний и выбора средств и форм их осуществления.

Если моральные ценности сохраняют общечеловеческое содержание при их конкретизации в идеале (этот идеал человека присущ любому человеку любого этноса), то эстетические ценности при их объективации в идеале всегда

имеют этническую специфику. К примеру, танец или музыка всегда этнически своеобразны. Даже для образованного эстетического вкуса, которому доступны эстетические каноны многих народов, родное всегда ближе и вызывает более глубокие переживания.

Я-идеал включает обязательно и средства своего выражения для презентации его другим людям. Это определенный стиль поведения и деятельности, необходимый для того, чтобы добиться адекватного отношения окружающих. Прежде всего, это внешний облик – одежда, прическа, осанка, походка, манеры и т. п. Эта часть идеала составляет эстетические предпочтения индивидуума. Но в поведении и деятельности далеко не все контролируется сознанием; это всегда выражение внутреннего состояния – эмоций-реакций или чувств-отношений, а эмпирическая и имманентная субъективности иногда проявляются вопреки идеалу. Если вспомнить механизмы самообмана (по психоанализу), мешающие иногда понять настоящие мотивы нашего поведения, то станет понятным, почему зачастую к нам относятся не так, как мы, на наш взгляд, заслуживаем. Научить человека адекватным способам выражения внутреннего мира – главная задача культуры, и этого невозможно добиться без развитого самосознания.

Роль Я-идеала видна в работе самосознания, которое для нашего случая достаточно определить как опыт постижения самого себя. Оно, как и всякий опыт, должно иметь априорные условия, делающие его возможным. В эти условия входят, кроме общих знаний, еще и некие критерии оценки. То есть, самосознание является описанием своего «Я» и одновременно сравнением его с неким эталоном, на который хотел бы походить субъект рефлексии. Необходимость самооценки и соответствия своему образу определяется важностью роли, какую играет в жизни каждого человека самоуважение. Оно дает ощущение уверенности в своих силах, которая является одним из гарантов достижения успеха, определенной санкцией на деятельность. Самоуважение фундирует чувство собственного достоинства, являющееся сознанием и переживанием активной реализации собственной доброй воли [6].

Оценка в результате сравнения себя реального (живущего и действующего – эмпириче-

ской субъективности) с «идеальным я» вызывает соответствующие реакции. При обнаружении несоответствия эмпирической субъективности и Я-идеала санкции могут быть направлены как на внешний мир, так и на самого себя. Если вина возлагается на внешний мир, то предпринимаются действия, направленные на устранение унижающих человеческое достоинство обстоятельств (через состояния чувства собственного достоинства дан результат самооценки). Сила реакции определяется глубиной переживания унижения собственного достоинства. Все зависит от того, какой набор достоинств имеется в личном идеале. Возможны три, по крайней мере, варианта направленности реакции.

В первом случае идеал содержит только человеческие характеристики – свойства личности, черты характера, способности и склонности. В него не включены социальные признаки: социальный статус, уровень доходов и т. п. Такое адекватное, с нашей точки зрения, понимание человеческого достоинства означает уважение себя самого как личности и уважение в других их достоинств. Этому человеку важнее всего в любых ситуациях сохранять свое достоинство, ему жизненно необходимо всегда соответствовать своему идеалу. Он требует прежде всего свободы как условия возможности реализовать себя и свое понимание человека, условия возможности следовать своему идеалу, требованиям к себе самому.

Свобода – одновременно есть принятие ответственности за собственную жизнь и жизнь зависящих от тебя людей. Человек сам строит экономическую основу своего существования и не желает быть кому-нибудь обязанным за это. Иждивенческие настроения для такого человека исключены.

В идеал могут быть включены социальные признаки. Согласно такому идеалу достоинство человека измеряется характеристиками, в которых заслуги самого человека зачастую нет. Например, сословная или национальная спесь, чувство мнимого превосходства вследствие высокого происхождения или принадлежности к господствующей нации. Таких людей не останавливают, как правило, соображения гуманности, чести и честности, потому что для них есть более значимые ценности. Примером может

быть также человек, стремящийся к власти. Для него власть нужна ради самой власти, ибо она, будучи включенной в личный идеал, является условием самоуважения.

Чувство достоинства такого человека требует распоряжения чужой свободой. И если власть достигнута полная и нигде ее проявить, поскольку нет преград, то они ищутся целенаправленно. Часто это поиск новых врагов, и они всегда находятся и даже создаются самим стремящимся к власти; борьба с ними позволяет проявить свою власть и ощутить уважение к себе самому.

Третий вариант отличается от второго уровнем притязаний человека. Неспособность и нежелание принимать на себя ответственность за собственную жизнь приводят таких людей к требованиям не свободы, предполагающей муки выбора, а гарантированного безопасного существования. Они ищут покровителя и готовы в обмен на заботу о них отдать свою свободу. Чувство собственного достоинства и гордости таких людей основывается на чувстве принадлежности к тому, что воплощает для них силу, могущество и защиту. Точнее, иерархия ценностей в их идеале организована так, что важнейшими из них являются предопределенность будущего и стабильность как отсутствие необходимости выбирать. Гарантом может признаваться род, нация, государство. Личный идеал таких людей включает именно те социальные признаки, которые свидетельствуют о принадлежности к подобным общностям. Поэтому они ищут не истины, но силы, а их идеология та, в которой провозглашается необходимость наиболее полного управления обществом как гаранта стабильного будущего.

Если же виновником человек признает самого себя, то реакция может доходить до самоуничтожения и юродства.

В процессе самооценки возникает вопрос о внешней обусловленности действий эмпирического субъекта. В результате, если такая обусловленность признается, возникает цепь самооправданий, подрывающая объективность необходимого самоконтроля и возможность морального осуждения себя или, как следствие предыдущего, кого-нибудь другого. В ряду такого рода явлений лежит и тезис о классовом характере морали, очень удобный и с точки

зрения идеологической, и с точки зрения легкости объяснения. Этим же объясняется затушевывание проблемы перехода от сущего к должному, позволяющее человеку избегать ответственности за свой свободный выбор.

Объективность при поиске причин гарантируется только стремлением к истине, как к необходимому условию возможности соответствовать требованиям к себе самому. Если цель человека – уважение к себе самому, и личный идеал включает только человеческие качества, то стремление к истине подразумевается само собой. Потому что свобода, к которой стремится такой человек, означает, как уже указывалось, принятие ответственности на себя, а в такой ситуации обманывать самого себя невозможно, во всяком случае – долго.

Когда же внешние цели и интересы превращаются из средства в единственную и конечную цель и смысл жизни и человек существует только ради них самих, можно говорить о потере человеком своего достоинства. Это фиксируется окружающими через эпитеты «жадный», «чванливый» и другими подобными, которые, при всем уважении людьми богатства и достатка, отрицают право носителя этих эпитетов на человеческое достоинство.

Существует и другая опасность – подчинение человека внешним обстоятельствам, полное втягивание его в функционирующий общественный механизм. Это приводит к обезличиванию и потере индивидуальности вообще. Внутренняя духовная жизнь перестает быть самостоятельной и превращается в некую «смазку», необходимую для работы общественного производственного механизма. Скажем, для работы на конвейере требуются конкретные знания и навыки, ограниченные по объему, и к этим знаниям и навыкам редуцируется внутренний мир человека и человек превращается в средство и придаток механизма, что не просто противоречит сути нравственности. Известно, что утрата возможности отстранения субъективного «Я» от событий, происходящих во внешнем мире, влечет за собой тяжелые расстройства сознания и психики.

Внутренняя жизнь индивидуума, его мечты и стремления основываются на идеальном образе самого себя или корректируются им. Конфликт между эмпирической и имманентной

субъективностями, желанием и совестью, долгом и склонностью разрешим только на основе соответствия Я-идеалу. Я-идеал дает одновременно критерий, основу и цель борьбы человека за свое достоинство.

Поэтому воспитание должно строиться на апелляции к чувству собственного достоинства ребенка, формирующемуся очень рано – с момента осознания ребенком себя. Будучи целиком зависимым от взрослых, он находит надежную опору своего существования в любви родителей – безусловной и абсолютной, и в себе самом – в собственной определенности. Я-идеал и дает ребенку самоуважение, и обращение к нему – пропускание через него всех норм и правил, следованию которым хотят приучить ребенка – вот надежное средство их интериоризации и превращения в личные качества будущего взрослого человека. Если ты поступишь так, то будешь таким в глазах окружающих. А хочешь ли ты, чтобы люди относились к тебе соответственно? Обостренное чувство справедливости, свойственное каждому слабому и зависимому, жажда ее, особенно присущая детям, являются надежной основой приучения ребенка к соизмерению своих желаний и поступков с ожиданиями окружающих людей, а также к привитию абсолютных добродетелей.

Идеалы, предлагаемые идеологическими конструкциями, должны для своей действенности апеллировать именно к Я-идеалу. Создание образа человека, адекватного требованиям времени, вызовам, брошенным стране и народу, необходимо для успешного внедрения идеологических установок. Но этот образ будет привлекателен, только если включит человеческое достоинство как необходимое условие существования и как высшую ценность, стремление к свободе как условию соответствия требованиям собственного достоинства, чувство справедливости, обосновывающее человеческое достоинство в глазах других людей через апелляцию к общечеловеческим ценностям.

Общественный идеал также будет действенным при его соответствии Я-идеалу. Действенный идеал общества – экстраполяция Я-идеала на общественное устройство, в котором наличествуют наиболее адекватные условия для проявления и осуществления данной индивидуальности. В таком идеальном общест-

ве человеческое достоинство является не целью и не средством, а необходимым условием жизни. Человек не должен жить в условиях, когда его достоинству что-то угрожает или что-то мешает свободно следовать ему. Цель жизни всегда положена в сущем (это какой-то результат в мире – дом, семья, дети, любимая работа, достаток и т. п.) в отличие от смысла, который находится в самом человеке. Когда же человек вынужден целью своей жизни делать отстаивание собственного достоинства или завоевание свободы как необходимого условия следования требованиям Я-идеала, такое общество он воспринимает как нуждающееся в коренной перестройке.

Но следует повторить, что Я-идеал должен включать только собственно человеческие качества – черты характера и способы их проявления – индивидуальный стиль поведения и деятельности. Наличие в его составе каких-либо иных, например социальных признаков, ведет к искаженному пониманию общечеловеческих духовных ценностей.

Всегда есть соблазн соединить совершенство с управлением непосредственно, а все утопии отличаются именно созданием совершенного, т. е. идеального управления. Однако очевидно, что такое полное, тотальное управление только консервирует состояние общества и препятствует прогрессу, отрицает свободу личности и, следовательно, человеческое достоинство. Целью такого общества становится не счастье человека, а само управление, социальный механизм, который, как и всякий механизм, бездушен, бесчеловечен, особенно когда он функционирует ради себя самого.

Идеал, благодаря своей эстетической природе, является конкретно-чувственной формой существования других духовных ценностей – абсолютов. Искусство, для которого совершенство есть необходимая характеристика формы, является уже поэтому областью существования идеалов. Соответственно герой художественного произведения должен отстаивать прежде всего идеалы свободы и человеческого достоинства (это и будут общечеловеческие ценности) превыше всех других – государственных, политических и прочих целесообразностей. Но известно, что любое произведение искусства, даже не содержащее образов героев, которым

хотелось бы подражать, способно оказывать очищающее и даже облагораживающее воздействие на человека с точки зрения его самого прежде всего. Благодаря чему? Дело в том, что в ситуации эстетического наслаждения (а оно имеет целью самое себя, замкнуто на себе) человек отрешается от повседневности с ее проблемами и заботами, и на первый план выступают внутреннее, глубинное, благодаря совпадению переживаний – наслаждение созерцаемым внешним совершенством вызывает к жизни совершенство внутреннее. В такой ситуации и начинает «работать» внутренний образ идеального «Я», который в обычной ситуации вынужден пробиваться, поскольку он подавлен реальным, захваченным сущим «Я».

Единственно надежная основа противостояния тиражируемого массмедиа всепроникающему влиянию искусства или наоборот – впитывания его, т. е. критического отношения к нему, это Я-идеал. Все должно пропускаться через него – получать санкцию на существование или осуждаться, потому что именно этот идеал и является для индивидуума фундирующим основанием его бытия и одновременно конкретно-чувственной формой существования общечеловеческих или, что то же самое, собственно человеческих ценностей.

ВЫВОД

Я-идеал определяет самоощущения и оценку при восприятии внешнего мира, многие непосредственные реакции и все опосредованные размышлениями поступки и является, следовательно, основой мировоззрения человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разин А. В. Моральные абсолюты в истории мышления // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1997. – № 2. – С. 90–105.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ.; Общ. ред. и вступ. ст. В. Я. Пилиповского. – М.: Прогресс, 1986. – 420 с.
3. Кортава В. В. К вопросу о ценностной детерминации сознания. – Тбилиси: Мецниереба, 1987. – С. 16.
4. Лосев А. Ф. Классическая калокатия и ее типы // Вопросы эстетики: Сб. / Отв. ред. Г. А. Недошивин. – М.: Искусство, 1960. – № 3. – С. 411–473.
5. Гегель Г. В. Феноменология духа // Соч.: В 12 т. – М.: Гос. соц.-экон. изд-во лит., 1959. – Т. 4. – С. 164.
6. Бандзеладзе Г. Д. О понятии человеческого достоинства. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – С. 65–66.